

1918 годъ.

Цѣна 1 р. На жел. дор. 1 р. 15 к.

ГОЛОСЪ ТОЛСТОГО

№ 4 (10)

ЕДИНЕНІЕ

ГОДЪ = II
ИЗДАНІЯ II

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ОБНОВЛЕНІЮ ЖИЗНИ ПРИ СВѢТѢ РАЗУМА И ЛЮБВИ.

Подъ редакціей В. Г. Черткова.

Адресъ: Москва, Тверская, Благовѣщенскій пер., д. 5. Издательство «Свобода», въ Контору (или Редакцію) «Единеніе».

Къ 8-лѣтней годовщинѣ со дня смерти Льва Николаевича Толстого.

7/20 ноября 1910—1918 и.

Страданія Христа.

Съ рисунка Н. В. Рѣпина.

„Учитель одинъ — Христосъ, и учить онъ одному — исполнять волю Отца не для похвалы людей, а для того, чтобы быть съ Нимъ и потому быть счастливымъ и свободнымъ“.

Л. Толстой.

на друга? Можетъ быть, такъ и должны жить люди, съ своими фабриками и заводами ненужныхъ или вредныхъ вещей, на которыхъ, работая по 10, 12, 15 часовъ въ сутки, гибнутъ миллионы людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, превращенныхъ въ машины? Можетъ быть, такъ и должно быть, чтобы все больше и больше пустѣли деревни и наполнялись людьми города, съ ихъ трактирами, бардами, почлежными домами и воспитательными домами? Можетъ быть, такъ и должно быть, чтобы все меньше и меньше, стало чести браковъ, а все больше и больше проститутокъ и женщинъ, въ утробѣ убивающихъ плодъ, и мужчинъ, разжигающихся похотью къ мужчинамъ? Можетъ быть, такъ и должно быть, чтобы сотни и сотни тысячъ людей сидѣли по тюрьмамъ, въ общихъ или одиночныхъ камерахъ, губя свои души? Можетъ быть, такъ и надо, чтобы та вѣра Христа, которая учитъ смиренію, перенесенію обидъ, дѣланію ближнему того, чего себѣ хочешь, любви къ нему, любви къ врагамъ, совокупленію всехъ воедино, можетъ быть такъ нужно, чтобы вѣра Христа, учащая этому, передавалась бы людямъ учителями разныхъ сотенъ враждующихъ между собой сектъ въ видѣ ученія полѣзныхъ и безприветвенныхъ басель о сотвореніи міра и человѣка, о наказаніи и искупленіи его Христомъ, объ установленіи такихъ или такихъ таинствъ и обрядовъ? Можетъ быть, все это такъ нужно и свойственно людямъ, какъ свойственно муравьямъ жить въ муравейникахъ, пчеламъ въ ульяхъ и тѣмъ и другимъ восвать и работать для исполненія закона своей жизни? Можетъ быть, это самое нужно людямъ, таковы ихъ законы, и требованія, можетъ быть, разума и совѣсти другой любовной и блаженной жизни, можетъ быть, это требованіе есть мечта и обманъ, и не надо и нельзя думать о томъ, что люди могутъ жить иначе?

Такъ и говорятъ некоторые.

Но сердце человеческое не вѣритъ этому. Какъ всегда оно громко вопило противъ ложной жизни, призывало людей къ той жизни, которой требуетъ откровеніе разума и совѣсти, такъ еще сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, оно вопіетъ въ наше время.

(Изъ неоконч. статьи „Обращеніе къ людямъ-братьямъ“).

Прошли вѣка, тысячелѣтія, — вѣчность времени, и насъ не было. И вдругъ мы живемъ, радуемся, думаемъ, любимъ. Мы живемъ, и срокъ этой жизни нашей, по Давиду, 70 крошечныхъ лѣтъ, пройдутъ они — и мы исчезнемъ, и этотъ 70-лѣтній предѣлъ закроетъ опять вѣчность времени, и насъ не будетъ такими, какими мы теперь, уже никогда. И вотъ намъ дано прожить эти въ лучшемъ случаѣ 70 лѣтъ, а то, можетъ быть, только дни, часы даже, прожить ихъ въ тоскѣ и злобѣ, или въ радости и любви, прожить ихъ съ признаніемъ того, что все то, что мы дѣлаемъ, не то и не такъ, или съ признаніемъ того, что все то, что мы сдѣлали, хотя и несовершенно и слабо, но то именно, что должно было сдѣлать въ этой жизни.

«Одумайтесь, одумайтесь, одумайтесь», кричалъ еще Іоаннъ Креститель; «одумайтесь», провозглашалъ Христосъ; «одумайтесь», провозглашаетъ голосъ Бога, голосъ совѣсти и разума. Прежде всего остановимся каждый въ своей работѣ или своей заботѣ, остановимся и подумаемъ о томъ, что мы дѣлаемъ. Дѣлаемъ ли то, что должно, или такъ, даромъ, ни за что проливаемъ ту жизнь, которая среди двухъ вѣчности смерти дана намъ?

Знаю я, что со всѣхъ сторонъ на тебя налетаютъ люди и не даютъ тебѣ минуты покоя и что тебѣ, какъ лошади на колесѣ, кажется, что никакъ нельзя остановиться, хоти и колесо, движущееся надъ тобой, работало самими тобою; знаю я, что сотни голосовъ закричатъ на тебя,

какъ только ты попытаешься остановиться, чтобы одуматься:

— «Некогда думать и разсуждать, надо дѣлать», закричитъ одинъ голосъ.

— «Не слѣдуетъ разсуждать о себѣ и своихъ желаніяхъ, когда дѣло, которому ты служишь, есть дѣло общее, дѣло семьи, дѣло торговли, искусства, науки, государства. Ты долженъ служить общему», закричитъ другой голосъ.

— «Все это ужъ пробовано обдумывать, и никто ничего не обдумалъ, живи, вотъ и все», закричитъ третій голосъ.

— «Думай или не думай, все будетъ одно: поживешь недолго и умрешь; а потому живи въ свое удовольствіе. Не думай. Если станешь думать, увидишь, что эта жизнь хуже, чѣмъ не жизнь, и убьешь себя. Живи какъ попал; но не думай, закричитъ четвертый голосъ.

Какъ въ сказкѣ рассказываютъ, что когда уже въ виду искателя жда было то, что онъ искалъ, тысяча страшныхъ и соблазнительныхъ голосовъ закричали вокругъ него, чтобы помѣшать ему взять то, что дало бы ему счастье. Такъ и голоса слугъ міра сбиваютъ искателя истины, когда онъ уже въ виду ея.

Не слушай этихъ голосовъ, и въ отвѣтъ на все, что они могутъ сказать тебѣ, скажи себѣ одно: «Позади своей жизни я вижу безконечность времени, въ которомъ меня не было. Впереди меня такая же безконечная тьма, въ которую вотъ-вотъ придетъ смерть и погрузитъ меня. Теперь я въ жизни и могу—знаю, что могу—могу закрыть глаза и, не видя ничего, попасть въ самую злую и мучительную жизнь, и могу не только открыть глаза, сморгать, но могу видѣть, оглядывать все вокругъ себя и избирать самую лучшую и радостную жизнь. И потому, что бы мнѣ ни говорили голоса, и какъ бы ни тянули меня соблазнами, какъ бы ни тянуло меня уже начатое мною, и какъ бы ни поощряла меня текущая вокругъ меня жизнь, я остановлюсь, оглянусь вокругъ себя и одумаюсь».

И стоитъ человѣку сказать себѣ это, какъ онъ увидитъ, что не онъ одинъ одумывается, а что и прежде его, и при немъ, много и много людей такъ же, какъ онъ, одумывались и избирали тотъ лучший путь жизни, который одинъ даетъ благо, и указывали его.

(Обращеніе къ людямъ-братьямъ).

Одумайтесь! Каждый изъ васъ вѣдь пришелъ сюда въ этотъ міръ на время — неопредѣленное, можетъ быть 30, 40 еще лѣтъ, можетъ быть, до завтра — пришелъ сюда по чьей-то волѣ, известной вамъ и состоящей въ томъ, чтобы любить людей, дѣлать добро имъ, не говоря уже о томъ, что уже никакъ не для того, чтобы мучить и убивать ихъ. Все вы это знаете — не можете притвориться, что не знаете. Это написано въ томъ, что вы признаете Божьимъ закономъ, написано въ вашемъ сердцѣ. И вотъ вы, существа, живущія здѣсь мгновеніе, и то неопредѣленное, можете нынче, завтра умереть и вернуться къ тому, отъ Кого вы исшли, вы, зная законъ Того. Кто васъ послалъ сюда, этотъ короткий, можетъ быть послѣдній часъ вашей жизни употреблете на то, чтобы дѣлать то, что противно этому закону и вашему сердцу. Зачемъ?

Стоитъ проснуться и спугнуть съ себя навазденіе, чтобы ужаснуться передъ тѣмъ положеніемъ, въ которое завело васъ внушеніе, и навѣки освободиться отъ него.

(Изъ черновыхъ „Царство Божіе внутри насъ“).

Только освободитесь все вы, страдавшие люди христіанскаго міра, какъ властвующіе и богатые, такъ и подавленные и бѣдные отъ тѣхъ обжалоу ахристианства и государственности, которые скрываютъ отъ васъ то, что открылъ вамъ Христосъ, и чего требуетъ вашъ разумъ и ваше сердце, — и вамъ ясно станетъ, что въ

васъ, только въ васъ самихъ причина тѣхъ тѣлесныхъ страданій (нужды) и духовныхъ—(сознанія несправедливости, зависти, раздраженія), которыя мучаютъ васъ, заглашенныхъ и бѣдныхъ; и въ васъ же, властвующихъ и богатыхъ,—причины тѣхъ страховъ, укоровъ совѣсти, сознанія грѣха своей жизни, которые болѣе или менѣе, по степени вашей чуткости, тревожатъ и васъ.

Поймите вы, и тѣ и другіе, что вы не рождены ни рабами, ни повелителями другихъ людей, что вы свободные люди, но свободные и разумные только тогда, когда вы исполняете высшій законъ своей жизни, и что законъ этотъ открытъ вамъ. И стоитъ вамъ только откинуть тѣ лжи, которыя скрываютъ его отъ васъ, чтобы вамъ ясно было, въ чемъ этотъ законъ, и въ чемъ ваше благо. Законъ въ любви, и благо только въ исполненіи этого закона. Поймите это—и вы станете истинно свободными и получите все то, чего теперь такъ тщетно стараетесь достигнуть тѣми сложными путями, на которые увлекаютъ васъ запутанныя, ни во что не вѣрующіе, развращенные люди. «Придите ко мнѣ все трудящіяся и обремененныя, и я успокою васъ. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня: ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдѣте покой душамъ вашимъ. Иго мое благо и бремя мое легко». (Мат. XI, 28-30). Спасетъ, избавитъ васъ отъ претерпѣваемаго вами зла и дастъ вамъ истинное благо, къ которому вы такъ неутомимо стремитесь, не желаніе своей выгоды, не зависть, не слѣдованіе партійной программѣ, не ненависть, не негодованіе, не желаніе славы, даже не чувство справедливости, и главное не забота объ устройствѣ жизни другихъ людей, а **только дѣятельность для своей души**, какъ ни странно это вамъ покажется, не имѣющая никакой виѣшней цѣли, никакихъ соображеній о томъ, что изъ нея можетъ выйти.

(Законъ истины и законъ любви).

Братья и сестры, ради своей жизни (важнѣе ея вѣдь вѣдь ничего) подумайте объ этомъ. Остановитесь жить. Подумайте о томъ, что вы, гдѣ вы и что васъ ожидаетъ. Вѣдь жизнь, какую мы знаемъ, одна: за что же, зачѣмъ же погубить ее? Поймите, что все, что представляется намъ важнымъ: удовольствіе, радости и богатства, отечество, привычки, привычки, слава, все это ничто въ сравненіи съ главнымъ, истиннымъ назначеніемъ жизни, съ исполненіемъ воли Бога. Измѣните свою жизнь, и не потому, что это велитъ кто-нибудь, а потому, что въ этомъ благо ваше и всего міра.

(Зеленая палочка).

Не вѣрьте тому, что заблужденіе многихъ можетъ отъ количества раздѣляющихъ его перестать быть заблужденіемъ.

Бези чувствуешь, что въ жизни что-то не такъ,—рѣжь твою совѣсть,—остановись, подумай, обсуди. Принимь существующій порядокъ къ требованіямъ и началамъ мудрыхъ и святыхъ людей.

(Изъ чернов. Круа Читеніа, I изд. 1904 г.)

Вѣрьте себѣ, когда въ душѣ вашей будутъ говорить не желаніе превзойти другихъ людей, отличиться отъ другихъ, быть могущественнымъ, знаменитымъ, прославленнымъ, быть спасителемъ людей, избавителемъ ихъ отъ вреднаго устройства жизни (такія желанія часто подвѣиваютъ желаніе добра), а вѣрьте себѣ, когда главное желаніе вашей души будетъ то, чтобы самому быть лучше, и не скажу: совершенствоваться, потому что въ самосовершенствованіи есть вѣчно личное, удовлетворяющее самолюбію, а скажу: дѣлаться тѣмъ, чѣмъ хочетъ тотъ Богъ, который далъ намъ жизнь, открывать въ себѣ то вложенное въ васъ, подобное Ему, начало, жить по-Божию, какъ говорить мужьямъ.

(Вирите себѣ).

Ищите царства Божія и правды Его, и все остальное приложится вамъ. Это основной законъ жизни человѣческой. Живите дурно, противно волѣ Бога, и никакія ваши усилія не доставятъ вамъ того благосостоянія, котораго вы ищете. Живите хорошо, нравственно хорошо, согласно съ волей Бога и не дѣлая никакихъ усилій для достиженія этого благосостоянія, и оно само собою установится между вами и такимъ способомъ, о которомъ вы никогда не думали...

Для вашего истиннаго блага вамъ нужно только жить по закону Бога братскою жизнью, дѣлая другимъ то, что вы хотите, чтобы вамъ дѣлали,—и въ той мѣрѣ, въ которой вы поймете это и, понявши, исполните—осуществится и то благо, котораго вы желаете, и уничтожится ваше рабство. «Познаете истину, и истина освободитъ васъ свободными».

(Къ рабочему народу).

Пусть только борется за «свободу» или «порадокъ» положить одну сотую тѣхъ усилій, тѣхъ жертвъ, которыя онъ полагаетъ на борьбу ради своихъ цѣлей,—на увеличеніе любви въ себѣ и другихъ, и онъ, не такъ, какъ при дѣятельности борьбы, гдѣ не видны послѣдствія, а только ожидаются, а тотчасъ же и увидитъ плодъ своей любовной дѣятельности не только въ себѣ: въ великой радости любви; но и въ слѣдахъ, которые непременно на другихъ людяхъ оставляетъ эта дѣятельность.

Одно прошу васъ, милые братья, усумнитесь въ томъ, что та жизнь, которая сложилась среди насъ, есть така, кака, кака должна быть (жизнь эта есть извращеніе жизни), и повѣрьте, что любовь, только любовь, выше всего любви есть назначеніе, сущность, благо нашей жизни, что, стремленіе къ благу, которое живетъ въ каждомъ сердцѣ, та обида за то, что нѣтъ того, что должно быть благо, что это законное чувство должно быть удовлетворено и удовлетворяется легко, только-бы люди не считали, какъ теперь, жизнью то, что есть извращеніе ея.

Милые братья, ради нашего блага, сдѣлайте это: усумнитесь въ той, кажущейся вамъ столь важной, виѣшней жизни, которой вы живете, помните что, не говоря уже о личной славѣ, богатствѣ и т. п., все тѣ воображаемыя вами устройства общественной жизни миллионовъ и миллионовъ людей, все это ничтожныя и жалкія путанья въ сравненіи съ той душой, которую вы сознаете въ себѣ въ этотъ короткій мигъ жизни между рожденіемъ и смертію, и которая не переставая заликаетъ вамъ свои требованія. Живите только для нея и ею, тою любовью, къ которой она зоветъ васъ, и все тѣ блага и вамъ и всемъ людямъ, о которыхъ вы только можете мечтать, и въ бесчисленное число разъ болѣе приложатъ вамъ. Только повѣрьте открытому и зовущему васъ къ себѣ благу любви.

(„Благо любви“).

Я знаю, что скоро умру и стою одной ногой въ гробу. И мнѣ странно, что я умру, не сказавъ всего того, что и знаю, что черезъ меня говорить какая-то сила и велитъ мнѣ сказать людямъ. И говорю то, что говорю, потому что не могу не говорить, какъ не могъ бы не говорить людямъ, приближающимся къ пропасти и не видящимъ ея. Если и сказать то, что я сказалъ, дурно, не добро, если и своей порочной, виновной грѣховъ личностью затенить ту истину, которая проходитъ черезъ меня, какъ и черезъ многихъ, и требуетъ своего проясненія,—осудите меня, пожайте меня, но съ открытымъ сердцемъ примите то, что есть истиннаго въ моихъ словахъ.

(Изъ неоконченной статьи: „Осрамъ къ людямъ-братьямъ“).

Такъ давайте же—кто бы мы ни были, какъ бы и партіямъ ни принадлежали—по ненавидѣть, а прощать и любить другъ друга...

«Братья, будемъ любить другъ друга, потому что любили отъ Бога; и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь». (Иоаннъ, I посл., IV, 7).
(Письмо въ газеты о ругательныхъ письмахъ).

Левъ Толстой.

Единеніе.

Страданія Христа.

Тогда отпустили имъ Варавву, а Иисуса, бивъ, предать на распятіе.
(Ев. отъ Матвея, гл. 27, ст. 26).

Мучители, раздѣвъ Иисуса, привязали его веревками къ столбу, двое воиновъ бьютъ его ремнями плетью, а третій вяжетъ прутья, чтобы и прутьями бить его. По лицамъ ихъ видно, что сами они не имѣютъ противъ него злобы, но что бьютъ потому, что имъ приказано бить, и отъ битья распяются и приходятъ въ злобу. Удары становятся сильнѣе, и уже выступившая кровь Иисуса скоро потечетъ струями.

В. Гаршинъ.

Воины Пилата бьютъ Христа, и больно смотрѣть на страданія его. Еще больнѣе думать, что страданія эти не кончаются. Мы такъ же, какъ и воины, и еще хуже, истязуемъ его. Воины не знали, кто онъ, и откуда, и что принесъ людямъ. Но мы знаемъ, кто онъ, знаемъ, откуда онъ, знаемъ, что онъ принесъ намъ спасеніе, и такъ же, и еще злѣе, истязуемъ его. Что ни день, что ни часъ, мы подбавляемъ къ страданіямъ его, — того, который пришелъ спасти насъ. Все, что мы сдѣлаемъ другому человѣку, мы сдѣлаемъ ему. Когда мы отталкиваемъ отъ себя нищаго и голоднаго, когда мы пользуемся нуждой его, когда мы гордимся передъ братомъ своимъ и отдѣляемся отъ него и презираемъ его, мы больнѣе воиновъ Пилата истязуемъ того Христа, который велѣлъ намъ быть едиными съ нимъ. Когда мы нарушаемъ законъ супружескій и ввергаемъ въ развратъ созданіе Божеское, женщину, и потомъ ее же считаемъ не за человѣка, а за тварь, мы больнѣе воиновъ Пилата истязуемъ того, который сказалъ, что человѣкъ да не разъединяетъ того, что Богъ соединилъ, и что да будетъ мужъ и жена плоть единая. Когда мы насилуемъ людей и вымещаемъ на нихъ зло за зло, когда мы мучаемъ людей и проливаемъ кровь человѣческую, развѣ мы не истязуемъ того, который сказалъ намъ не противиться злему, отдавать рубаху тому, кто тянетъ съ тебя кафтанъ, прощать брата своего не семь разъ, а семь разъ семьдесятъ? Мы терзаемъ Христа, и до тѣхъ поръ не перестанетъ онъ страдать отъ насъ, пока мы не исполнимъ заповѣди его — любить другъ друга, какъ онъ возлюбилъ насъ.

Л. Толстой.

По поводу картины „Страданія Христа“.

Рисунокъ, изображающій страданія Христа, привязаннаго къ столбу и бичуемаго римскими воинами, — исполненъ былъ художникомъ И. Е. Рѣпинымъ при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Въ началѣ дѣятельности народнаго издательства «Посредникъ», въ 80-хъ годахъ, нами задумано было вынестись картину «Бичеваніе Христа» французскаго художника Бугро. Но тогдашняя «духовная» цензура воспротивилась изданію въ Россіи картины, изображавшей Христа въ недостаточной, по ея понятіямъ, достойномъ видѣ человѣка, упавшаго на землю и изнемогающаго подъ ударами своихъ палачей. Такъ какъ издатели особенно дорожили составленнымъ для этой картины Толстымъ и Гаршинимъ пояснительнымъ текстомъ, то они обратились къ Рѣпину съ просьбой замѣнить запрещенную цензурою фигуру Христа другимъ, не оскорбляющимъ цензурной глѣзъ изображеніемъ. Павелъ Ефимовичъ Рѣпинъ, горячо сочувствовавшій нашимъ народнымъ изданіямъ и союдававшій въ нихъ, любезно согласился рѣшиться насъ изъ

нашего затруднения и исполнить алмазными красками новое изображение Иисуса Христа, которое и было вставлено в картину, вместо прежней фигуры, и в этом виде она благополучно была пропущена цензурою.

Как и вся проповедь Рёйна, рисунок этот отличается замечательной силой и тонкостью выражения, далеко превосходящими достоинства самой картины французского художника. Поэтому на обложке настоящего выпуска мы и помещаем возможно точное воспроизведение головы Христа сь подлинного рисунка нашего великого русского живописца, недавно, как слышно, скончавшегося в Финляндии¹⁾.

Как и не могло быть иначе, рёйновское чуткое, проникновенное изображение Христа на этом рисунке глубоко тронуло Льва Николаевича, который, впервые увидев оригинал его, писал по этому поводу своим друзьям: «Радость великую мнѣ доставилъ Рёйновъ... И не могъ оторваться отъ его картинки и умчался. И сколько людей умчалось. Буду стараться, чтобы переделано было²⁾ какъ возможно лучше... Рёйну, если увидите, скажите, что я всегда любилъ его, но это лицо Христа связало меня съ нимъ тѣснѣе, чѣмъ прежде. И вспомню только это лицо и руку, и слова «навѣрняка»³⁾».

Помѣстивъ въ прошломъ нашемъ выпускѣ портретъ Толстого по случаю состоявшейся тогда 90-лѣтней годовщины со дня его рождения, мы сочли уместнымъ въ нынѣшнемъ номерѣ, посвященномъ его памяти, предложить читателямъ—изображеніе его любимого Учителя и вдохновителя, неслучайно жившего и умирающего въ чистомъ, неискаженномъ видѣ Толстой посвятивъ столько усилий.

В. Ч.

Живъ Толстой.

Речь, произнесенная въ залѣ Московскаго Политехническаго Музея 12 Сентября 1918 г.

На собранияхъ, подобныхъ нынѣшнему, особенно ярко бросается въ глаза та поразительная сила притяженія и объединенія, которая можетъ исходить отъ человѣка даже тогда, когда тѣло его давно уже спило подъ землей. Тотъ, кто насъ сегодня сюда привлекаетъ, обладаетъ этой силой въ высшей степени. Мы, никогда не видавшіе другъ друга и соединенные съ разныхъ сторонъ, люди различнаго происхожденія и воспитанія, самыхъ разнообразныхъ, даже противоположныхъ характеровъ, привычекъ, вкусовъ и стремленій, люди, казалось бы, совершенно несовѣстимыхъ воззрѣній, убѣжденій и заветовъ,—все собираемся въ одномъ мѣстѣ и сливаемся въ одною. И происходитъ это удивительное явленіе не потому, чтобы мы отыскали какое-нибудь общее намъ всемъ практическое интересъ или задумали начать сообще какое-нибудь предприятие. Объединяетъ насъ единственно то, что мы одинаково чтимъ и любимъ одного и того же человѣка: имя, вѣра, —одинаково чтимъ и любимъ то, чѣмъ жилъ этотъ человѣкъ.

Это наше взаимное объединеніе въ Толстомъ особенно дорого въ то темное время всеобщей раздробленности и вражды, которое мы сейчасъ переживаемъ. Въ наши дни, когда столько людей охотится только для того, чтобы пререкаться, раздражать, драться и убивать, особенно радостно такое напоминаніе о томъ, что существуетъ въ

человѣческомъ сознаніи и такое Начало, которое отстоитъ отъ совершенно обратному,—въ ослабленію, примиренію, объединенію и взаимному слиянію. И если, при всей кажущейся безразличности окутанной насъ ночи, мы все же временами бываемъ способны ощущать въ себѣ это божеское стремленіе—а проявляется оно среди людей все чаще и сильнѣе—то, значить, не все еще пропало, значить приближается разсвѣтъ.

Въ чемъ же кроется эта чудодѣйственная сила, жгущая отъ нечеловѣческаго съ лица земли человѣка,—сила, не только не ослабляющая съ теченіемъ времени, но постоянно возрастающая и, повидимому, готовящаяся оказывать воздѣйствіе на все дальнейшее развитіе человечества?

О Толстомъ, какъ о гениальномъ мыслителѣ и безподобномъ художникѣ, говорилось и будетъ еще говориться много. О его великихъ достоинствахъ, какъ человѣка, какъ общественнаго дѣятеля и какъ праведника, также многое уже извѣстно. Безъ этихъ свойствъ и особенностей Толстой для насъ не былъ бы Толстымъ. Тѣмъ не менѣе во въ нихъ, какъ мнѣ кажется, содержится коренной источникъ его неострашимого вліянія.

Основная сила Толстого состояла и состоитъ въ томъ, что онъ умѣлъ не быть Толстымъ; умѣлъ устранивъ свою личность и становиться проводникомъ того Вечнаго Начала, передъ которымъ онъ такъ беззастѣноно преклонился. Толстой великъ тѣмъ, что создавая свою личность передъ Богомъ. Онъ смиренъ потому, что признавалъ свою человѣческую слабость и опирался единственно на помощь Божью. И въ этомъ умѣнии пребывать собою, отбрасывая свои личные желанія и предпочтенія, жертвовать своей собственной волей, ради исполненія одной только Высшей Воли,—въ этомъ, какъ мнѣ кажется, содержится тайна удивительнаго вліянія Толстого на сердца человеческія.

Самъ онъ только такъ и понималъ духовное значеніе человѣческой жизни.

«Человѣкъ есть проводникъ Божественной силы», писалъ онъ⁴⁾. «Не надо думать, что живу и живу не я, а живетъ то духовное Существо, которое живетъ во мнѣ. Я—это только то отверстие, черезъ которое проливается это Существо»⁵⁾. «Смыслъ жизни—въ уничтоженіи въ себѣ всего того, что мѣшается проявленію во мнѣ Бога»⁶⁾. «Ты только передаточное орудіе, черезъ которое дѣйствуетъ сила Божія. Твое дѣло—только въ томъ, чтобы держать въ порядкѣ орудіе—себя, свою душу»⁷⁾.

Про себя Левъ Николаевичъ говорилъ со свойственной ему скромностью: «У меня были времена, когда чувствовалъ, что становлюсь проводникомъ воли Божіей. Часто я былъ такъ вечностъ, такъ исполненъ страстными личными, что свѣтъ этой истины затемнѣлъ моей тьмой, но все-таки иногда эта истина проходила черезъ меня, и это были счастливейшія минуты моей жизни»⁸⁾.

Только потому, что Толстой признавалъ назначеніе человѣческой жизни въ томъ, чтобы быть проводникомъ воли Божіей,—только потому онъ и могъ служить такой вдохновляющей и объединяющей силой среди людей. Видъ, сходящаясь все люди могутъ только въ томъ, что есть самое глубокое, коренное въ ихъ душахъ. А глубже всего въ человѣческую природу вложено сознаніе одного общаго Начала жизни, которое, на неизмѣнимомъ другомъ словѣ, мы называемъ Богомъ. Руководящій голосъ этого Бога нашего мы слышимъ въ тайнѣхъ нашей собственной души; и этого же Бога мы узнаемъ въ словахъ и поступкахъ другихъ людей, когда они останавливаются Его проводни-

1) Такъ какъ слухъ этотъ пока не провѣренъ нами, то мы ограничиваемся лишь упоминаніемъ о немъ.

2) Т. е. въ печатномъ воспроизведеніи.

3) Изъ письма къ В. Г. Черникову, 2 мая 1895 г.

4) Изъ черновика.

5) «Путь жизни».

6) Изъ письма.

7) Дневникъ 1905 г.

8) Дневникъ 1895 г.

ками. Неудивительно поэтому, что тот, кто умѣлъ непосредственно всего обращаться къ згону нашему Божественному сознанию, больше всѣх воодушевляетъ и обвиваетъ насъ.

Вѣдь всѣ бѣдствія и невыразимо ужасы нашего времени происходятъ отъ того, что всѣ мы забыли Бога.

Мы видимъ, какъ проповѣдь безбожия и отрицаніе вѣчныхъ заповѣдей добра пустили глубокіе корни въ сознаніи многихъ. Оно и не могло быть иначе послѣ разрушенія прежнихъ церковно-православныхъ устоевъ и раннее установленіи замѣнѣ ихъ новыми, болѣе разумныхъ духовныхъ основами. Одна только ссылка на Бога и на софѣсть вымываетъ теперь у многихъ улыбку. «Развѣ кто занимается, въ настоящее время, такими пустяками», слышится въ отвѣтъ.

И счастье еще, что въ широкіхъ слояхъ населенія, въ особенности среди трудовыхъ массъ, все сильнѣе продвигается исканіе смысла жизни и интересъ къ духовнымъ вопросамъ. Лекціи и диспуты на релігіозныя темы жадно посѣщаются. Литература о Богѣ и праведной жизни читается врасхватъ. При одномъ упоминаніи о грѣховности нашей жизни и о томъ, что пора Бога вспомнить, настоятельно привлекается вниманіе. Въ этой духовной жаднѣ, въ этой тоскѣ по Богу—самое свѣтлое явленіе нашего времени. Оно служитъ несомнѣннымъ залогомъ того, что простой русскій народъ сохранилъ въ себѣ слишкомъ много молодости и здоровья, еще незатронутыхъ душевныхъ силъ для того, чтобы окончательно поддаться растлѣвающему вліянію столь настоятельно направляемой на него проповѣди вражды, борьбы, насилия и зла.

Для того, чтобы возможно было противостоять тѣмъ гнетущимъ вліяніямъ, которыя грозятъ духовною смертію и нравственнымъ разращеніемъ въ особенности нашимъ молодымъ поколѣніямъ, такъ легко поддающимся дурнымъ увлеченіямъ,—есть только одно средство. Необходимо возстановить въ сознаніи понятіе о Богѣ; но неизмѣнно—понятіе о Богѣ, свободное отъ всякихъ суевѣрныхъ представленій,—о Богѣ, какъ о высшемъ источникѣ добра и правды, какъ о внутреннемъ духовномъ началѣ, общемъ всѣмъ людямъ и стремящемся сблизить и соединить насъ всѣхъ между собой. Если многие теперь боятся даже самаго слова «Богъ», то только потому, что слово это было въ прошломъ такъ шагашено православнымъ идолопоклонствомъ. Настало время, когда необходимо шовъ называть Бога, по—Бога свободного отъ устарѣлыхъ суевѣрій и церковной ажи.

Это самое и сдѣлалъ для чловѣчества Толстой. Среди его писаній сохранился клочекъ бумаги съ набрешенной имъ для самого себя молитвой, свидѣтельствующей о томъ, какъ глубоко онъ испытывалъ потребность признанія Бога:

«Что я здѣсь, брошенный среди міра этого? Къ кому обращусь? У кого буду искать отвѣта?»

«У людей? Они не знаютъ, они смѣются, не хотятъ знать, говорить: «Это пустяки. Не думай объ этомъ. Вотъ міръ и его слава—жизнь!»

«Но они не обмануть меня. Я знаю, что они не вѣрятъ въ то, что говорятъ. Они такъ же, какъ и я, мучаются и страдаютъ страхомъ передъ смертію, передъ самимъ собою и передъ Тобою, Господи, Котораго они не хотятъ называть.

«И я не называлъ Тебя долго, и я долго дѣлалъ то же, что они. Я знаю этотъ обманъ, и какъ онъ гнететъ сердце, и какъ страшенъ огонь огнания, таиняща въ сфинксѣ не называющаго Тебя. Сколько ни заглядываю въ себя, онъ сожжетъ внутренность ихъ, какъ сжигалъ меня.

«Но, Господи, я называлъ Тебя, и страданія мои кончились. Отчаяніе мое прошло.

«Я проклинаю свои слабости, я ишу Твоего пути, но я не отчаиваюсь: я чувствую близость Твою, чувствую помощь, когда я иду по путямъ Твоимъ, и прощеніе, когда отступаю отъ нихъ.

«Путь Твой ясенъ и простъ. Иго Твое благо и бремя Твое легко: но я долго блуждалъ влѣдъ путей Твоихъ, долго въ мерзости юности моей я, гордась, смилуясь всякое бремя, выпрыска изъ всякаго ига и отучилъ себя отъ хожденія по путямъ Твоимъ. И мнѣ тяжело и Твое иго, и Твое бремя, хотя знаю, что оно благо и легко. Господи, прости заблужденія юности моей и помоги мнѣ такъ же радостно вести, какъ радостно я принимаю, иго Твое!».

Такъ молился Толстой. И дай Богъ, чтобы его горячая молитва проникла и въ наши, слишкомъ часто охлаждающія души. Для того, чтобы жить истинною жизнью, каждому изъ насъ слѣдуетъ воскресить и воскресить въ себѣ сознаніе Бога; устранить или, по крайней мѣрѣ, держать въ подчиненіи все наше личное и стараться слѣдовать указаніямъ одного только голоса Божьяго. Тогда и тогда только мы исполнимъ свое настоящее назначеніе на землѣ, какъ по отношенію къ себѣ, такъ и къ тѣмъ людямъ—братьямъ, среди которыхъ мы живемъ. Этими мы достойнѣе всего почтѣмъ память Толстого и, главное, почтѣмъ въ самихъ себѣ ту же силу Божию, которая двигала гмъ.

И провинившись такимъ духовнымъ настроеніемъ, мы удивимся тому, сколько есть въ жизни свѣтлаго, хорошаго и радостнаго, раньше нами не замѣчевнаго,—убѣдимся въ томъ, что не только живъ Толстой, но живъ Богъ среди людей.

В. Черновъ.

Примѣнимо ли къ жизни ученіе Л. Н. Толстого. *)

90-лѣтіе со дня рожденія Льва Толстого пришлось тогда, когда жизнь наша слишкомъ быстро начала сбивать одну картину за другой, когда совершается переустройство общественной жизни, пересмотръ основъ, на которыхъ создается жизнь.

У людей нашего времени, назврое, благодаря этой общей ломкѣ, несомнѣнно оживились, или причащались, противорѣчіямъ въ нашей жизни, замѣтно стремленіе—лучше усвоить вѣчные законы правды и добра, ближе подойти къ нимъ, и согласовать и личную жизнь, и общественную жизнь съ этими законами.

Вотъ въ этой то области, въ области исканія правды Божьей намъ не мновать встраща съ Толстымъ—этими пророкомъ нашихъ дней, значеніе котораго съ теченіемъ времени все возрастаетъ и возрастаетъ.

Левъ Толстой по своей работѣ въ поискахъ истины, по своему ученію, по создаваемому отношенію къ нему современниковъ представляетъ собою то, чѣмъ когда-то былъ Христосъ.

Также исканія истины считались причудами тамъ—бродяги, а здѣсь—барина. Также ученія эти считались вредными, но время шло, истина провозглашенная когда-то Христомъ, а въ наше время Толстымъ, оказывала свое дѣйствіе, и тогда люди, которые по разнымъ причинамъ не могли последовать за нею, стали оправдываться тѣмъ, что Христосъ, Богъ, и намъ, грѣшнымъ, далеко до Него и Его ученія, намъ нужно только вѣрять въ Него, почитать Его, а жизнь продолжать все ту же эгоистическую, индивидуалистическую.

Съ Толстымъ то же—всѣ признають его за великаго художника и мыслителя, но ученіе его считаютъ непримѣнимымъ къ жизни, по крайней мѣрѣ теперь. Вотъ, дескать, жить черезъ 2-300 дѣтъ другое, а пока лучше властвовать, ненавидѣть, враждовать.

Поострачь же—что такое ученіе Толстого—и примѣнимо ли оно къ жизни.

Съ тѣхъ поръ, какъ чловѣчество начало созидать само себя, оно почувствовало и то, что есть какіе-то вѣчные законы для міра, по которымъ слѣдуетъ жить. Эти законы

*) Лекція прочитанная въ Рязани 18 го Октября 1913 г.

И никто не находить, что это трудно, не только те, которые страдают, но и отцы, и матери не находят, что это трудно. Они даже сами советуют детям идти. Имъ кажется, что это не только такъ надо и что нельзя иначе, не что это даже хорошо и нравственно.

Можно бы подумать, что исполнение учения Христа трудно и страшно мучительно, если бы исполнение учения мира было очень легко, и безопасно, и приятно. Но ведь учение мира много труднее, опаснее и мучительнее исполнения учения Христа.

Были когда-то, говорят, мученики Христа, но это было исключение: ихъ насчитываютъ у насъ 380 тысячъ волины и невольныхъ за 1800 лѣтъ, но считите мучениковъ учения мира, страдания которыхъ въ 100 разъ ужаснее. Однихъ убивали за войнами имѣннаго столѣтія насчитываютъ тридцать миллионовъ человекъ.

Вѣдь это все мученики учения мира, которымъ стоило бы не то, что слѣдовать учению Христа, а только не слѣдовать учению мира, и они забавлялись бы отъ страданія и смерти?).

У крестьянина Водарева, котораго очень цѣнилъ Л. Н., есть издавонъ „Посредникомъ“ сочиненіе о трудолюбіи и трудолюбивъ. Водаревъ задаетъ вопросъ всѣмъ дармоедамъ: — справедливо ли они делаютъ, что сидятъ на шеѣ трудового народа и осебоблаваютъ себя отъ труда? Прежде чѣмъ отвѣчать на мои вопросы, говоритъ Водаревъ, я совищу тебѣ, читатель, не вѣтъ двое сутокъ, а потомъ уже обсуждать мои вопросы.

Точно такъ же тогда можно разобратъся, примѣнно ли къ жизни учение Толстого, когда, какъ слѣдуетъ, хвятишь гора когда остро почувствуешь всю горечь страданій.

Тѣ вѣчныя и постоянныя законы, которые выражены въ ученияхъ мудрецовъ мира и въ томъ числѣ у Л. Н. Толстого, обязательно должны быть выслелены — и, хотимъ мы того или не хотимъ, а мы придемъ къ намъ, если не по разумной, доброй волѣ, то путемъ страданій. Мы хорошо знаемъ, что нарушеніе физическихъ законовъ несетъ за собой подчасъ тяжелыя послѣдствія, напр., ядъ для организма, яркій свѣтъ для глаза, раскаленное жѣлѣзо для тѣла. Точно такъ же и нарушение нравственныхъ законовъ приноситъ намъ страданія.

Такъ что намъ не о томъ нужно думать, примѣнно ли къ жизни учение Толстого, а оглянуться вокругъ — что получается отъ того, что все мы живемъ по законамъ вражды и раздѣленія?

Отвѣтомъ на вопросъ о примѣнности къ жизни учения Толстого служатъ та бездна страданій, въ которыхъ бьется человечество, и которая произошла только потому, что люди все время примѣняютъ къ жизни учение „мира сего“, а не живутъ по законамъ разума и любви, которые такъ благо для насъ и ясно выразилъ Л. Н. Толстой.

В. Медвѣдовъ.

Толстой и революціонеры.

У Л. Н. Толстого всегда было отрицательное отношеніе къ стремленію отдѣльныхъ группъ возбудить человѣческую массу къ насильственному освобожденію и захвату политической власти въ свои руки. Онъ не вѣрилъ въ возможность того, чтобы миллионы разнородной человѣческой массы, разобщенные огромнымъ пространствомъ, разностью понятій о жизненныхъ интересахъ, темныхъ и заблудшихъ, — оказались бы способными согласно произвести такой колоссальный переворотъ; а если бы и произвели, то удержать свое освобожденіе менѣе жестокими способами, чѣмъ это дѣлается демократическими правительствами. И поэтому, когда послѣ неудачъ Японской войны въ Россіи началось броженіе въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ, и въ деревняхъ по соседству съ крупными помѣщичьими имѣніями, — Левъ Николаевичъ, несмотря на то, что былъ горячимъ сторонникомъ пробужденія человѣческаго сознанія въ отдѣльныхъ лицахъ и проповѣдникомъ освобожденія земли отъ частной собственности, не могъ стать на сторону поднимающагося движенія. Онъ написалъ тогда нѣсколько статей: «Объ общественномъ движеніи въ Россіи», «Единое на потребу», «Великій грѣхъ» и

* См. „Въ чемъ молъ вѣра“ глава X.

другія, гдѣ говорилось, что нельзя долѣе выносить того ужаснаго состоянія, до котораго доведетъ русскій народъ беззаконнымъ отношеніемъ къ его судьбѣ власть имущихъ, но выдѣять изъ трясины при помощи революціи, онъ не допускалъ никакой возможности. Всѣмъ памятно, въ какомъ одиночествѣ остался тогда великій старикъ. Даже многіе изъ его идейныхъ почитателей, увлеченные раздувшимся общественнымъ потокомъ, отошли отъ него. Тѣ же, что почитали его только, какъ большого художника съ небывалою славой во всемъ мѣрѣ, обрушились на него съ упреками, что онъ это бы поддерживалъ реакцію, что въ немъ живъ еще классовый духъ, и посылали ему подчасъ грубыя ругательства. Конечно, обвиненія въ сочувствіи реакціи и поддержкѣ ея были ни на чемъ не основаны. Это доказало его знаменитое «Не могу молчать», быстро отразившее большинство его горячихъ обвинителей. Они устыдились своихъ обвиненій и снова воспылали къ великому писателю безграничнымъ уваженіемъ. Но Левъ Николаевичъ остался неизмѣннымъ себѣ до конца. Уже въ концѣ августа 1910 г., за два мѣсяца передъ окончательнымъ отъѣздомъ изъ Ясной Поляны, онъ писалъ изъ Кочетовъ, гдѣ онъ тогда находился, одному политическому сыльному въ Тобольскую губернію:

«То, что вы говорите о перемѣнѣ мировоззрѣнія среди революціонеровъ, я думаю, несправедливо. Чѣмъ больше я живу и вдумываюсь въ условія жизни и причины жестокости и безумія нашей жизни, — тѣмъ все яснѣе и яснѣе для меня становится то, что одна изъ причинъ этого — суевѣріе о томъ, что одинъ человекъ не только можетъ устраивать жизнь другого и даже многихъ людей, но что работа о такомъ устройствѣ и насиліе, употребляемое при этомъ, — суть не только не дурныя и безрезультатныя и глупыя и жестока дѣла, но вѣчно очень возвышенное и похвальное. Родители устраиваютъ жизнь своихъ дѣтей, религіозные учителя устраиваютъ вѣру своихъ пасомыхъ, правительства устраиваютъ всю; и гражданскую, и экономическую, и всякую жизнь своихъ подданныхъ; революціонеры же едва ли не больше страдаютъ этимъ суевѣріемъ, желая также устроить жизнь людей по-своему. Только бы каждый думалъ о своей жизни: какъ лучше прожить, какъ можно меньше дѣлать гадостей, а не заботился бы о жизни другихъ, и девять десятыхъ существующаго зла нечело бы. А только старайся лучше жить, и онъ волей-неволей будетъ вліять на жизнь другихъ людей и самымъ могущественнымъ образомъ содѣйствовать улучшенію ея».

Заканчивается это письмо слѣдующимъ характернымъ для Льва Николаевича, пожалѣвшимъ своимъ корреспонденту:

«Прошайте, дай вамъ Богъ, тотъ Богъ, который живетъ во всѣхъ людяхъ и голосъ котораго зоветъ насъ къ единенію и любви, дай вамъ этотъ Богъ того блага, которое Онъ даетъ всѣмъ, кто ищетъ его. Любящій васъ Левъ Толстой».

С. Семеновъ.

О значеніи Толстого*).

«Человѣкъ въ своей жизни — то же, что дождевая туча, выливающаяся на луга, поля, лѣса, сады, пруды, рѣки. Туча, выливаясь, осѣвѣла и дала жизнь миллионамъ травинкамъ, колосьямъ, кустовъ, деревьевъ, и теперь стала свѣтлой, прозрачной, и скоро соевѣмъ исчезнетъ. Такъ же и жизнь добраго человѣка: многимъ и многимъ по-

* Изъ біографіи Л. Н. Толстого, составл. Н. Н. Гусевымъ для народа (печатается).

могъ онъ, облегчая жизнь, направилъ на путь, утѣнилъ и теперь жаждалъ весь я, умирая, уходить туда, гдѣ живетъ одно вѣчно, невидимое, духовное.

Такъ писалъ Левъ Николаевичъ, и слова эти примѣнны прежде всего къ нему самому. Смерть Лева Николаевича способствовала тому, что много и много людей поняли, чѣмъ онъ былъ для нихъ и для всего человѣчества.

Какъ въ жизни своей, во всѣхъ своихъ прозвѣдѣніяхъ Левъ Николаевичъ стремился къ тому, чтобы соединить все человѣчество на основѣ признанія братства и равенства всѣхъ людей между собой, такъ и смерть его послужила этому соединению. Люди всѣхъ народовъ и самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, отъ самыхъ высокихъ (въ мірномъ смыслѣ) до самыхъ низкихъ, и люди самыхъ различныхъ взглядовъ на жизнь,—соединились въ одномъ чувствѣ скорби по утратѣ величайшаго изъ ихъ современниковъ и одного изъ самыхъ великихъ людей, когда-либо жившихъ въ мірѣ.

Многимъ и многимъ помогъ онъ, многимъ облегчилъ жизнь, многимъ направилъ на путь, утѣнилъ. И что самое дорогое—помогалъ онъ, главное, въ томъ, что для всякаго человѣка самое важное и необходимое въ жизни: въ отысканіи смысла жизни, въ рѣшеніи вопроса о томъ, что такое человѣкъ и какъ онъ долженъ жить.

И не только при жизни своей оказывалъ Левъ Николаевичъ духовную помощь тѣмъ, кто обращался къ нему; но также и теперь продолжаетъ онъ оказывать эту помощь всякому, кто обращается къ его писаніямъ съ дѣльной познать истину. И этимъ онъ дорогъ и нуженъ всему человѣчеству.

Н. Гусевъ.

Церковь и политика *).

Въ настоящее время среди русскаго народа все большее и большее число людей освобождается отъ церковнаго суевѣрія. И это явилось повсюду. Но мѣръ того, какъ люди дѣлаются болѣе сознательными, для нихъ становится труднѣе продолжать вѣрить въ тѣ устарѣлыя замышленія и неуживые обряды, на которыхъ держится православная церковь. Среди мыслящихъ рабочихъ и крестьянъ все чаще приходится слышать осужденіе представителей церкви и даже насмѣлки надъ церковными суевѣрїями.

Но если русскій народъ такъ долго придерживался православныхъ заблужденій, то это не потому только, что помы и начальство его обманывали. Хотя вѣра въ церковь и ослабѣваетъ, но корни этой вѣры еще остаются въ душѣ многихъ людей.

Для того, чтобы освободиться отъ суевѣрнаго отклоненія изъ жизни, недостаточно еще убѣдиться въ томъ, что то или иное отдѣльное суевѣріе есть заблужденіе и обманъ. Корни, изъ которыхъ вырастаютъ суевѣрія, проросли очень глубоко въ человеческомъ сознаніи. И увичтожить эти корни могутъ только тогда, когда прорастетъ и укоренится въ сознаніи человѣка сѣмя истиннаго духовнаго разумѣнія. А пока этого не будетъ,—вмѣсто старыхъ, раскритыхъ заблужденій изъ кѣхъ же корней будутъ постоянно вырастать новыя суевѣрія.

Это самое и происходитъ теперь на нашихъ глазахъ среди русскаго народа. Одно заблужденіе замѣняется другимъ. Но мѣръ того, какъ ослабѣваетъ вліяніе церкви, на ее мѣсто уже становится новое суевѣріе, и именно—

* Лекція, прочитанная на воскресномъ собраніи въ повстаніи Московской Боготаріанской Свободной 21 января, 1918 г.

вѣра въ государственную политику, т.-е. вѣра въ то, что возможно улучшить отношенія между людьми путемъ насильственныхъ правительственныхъ мѣропрїятій.

Какъ ни враждебны между собою съ виду эти два суевѣрія—церковное и политическое—оба они, тѣмъ не менѣе, очень схожи въ главныхъ своихъ чертахъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на нѣкоторыя общія обонья этимъ суевѣрнымъ свойствамъ.

Внѣшнее вмѣсто внутренняго. Для того, чтобы найти смыслъ своего существованія, человѣку необходимо вымыслить, какое его отношеніе къ высшей основѣ жизни или Богу. Чтобы сдѣлать это разумно, ему приходится внутренне разбираться въ своей душѣ. Работа эта весьма сложная и трудная. Гораздо легче повѣрить на слово тому, что церковь утверждаетъ о Богѣ, и внѣшнимъ образомъ исполнять ея требованія. При этомъ вниманіе направляется на внѣшніе предметы: на образа, храмы, богослуженія, обряды, таинства и тому подобное. Внутреннее замѣняется внѣшнимъ.

То же самое происходитъ и съ политической дѣятельностью. Для того, чтобы было хорошее общественное устройство, необходимо, чтобы сами люди были хороши. А для этого каждый отдѣльный человѣкъ долженъ прежде всего исправлять и совершенствовать себя. Политика же, наоборотъ, отвлекаетъ вниманіе человѣка отъ самого себя. Она заставляетъ его главнымъ образомъ заботиться о томъ, какъ внѣшнимъ образомъ лучше устроить общественную жизнь. Тутъ также внѣшнее становится на мѣсто внутренняго.

Правильный ростъ человѣческаго сознанія болѣе всего задерживается тогда, когда люди вмѣсто того, чтобы думать о томъ, что происходитъ внутри ихъ самихъ, въ ихъ собственной душѣ, обращаютъ все свое вниманіе на внѣшніе предметы или внѣшнія дѣла и задачи.

Воображаемое вмѣсто действительнаго. Для руководства въ жизни человѣку данъ законъ добра и правды. Законъ этотъ раскрывается человѣку въ его сознаніи и нѣкоторыми называется волей Божьей. Церковь учитъ тому, что она лучше человѣка знаетъ волю Бога. Она говоритъ, что воля эта въ томъ, чтобы были богатые и бѣдные, господа и рабочіе, начальники и подчиненные. Она благословляетъ взаимное убійство на войнѣ и вообще оправдываетъ всѣ правительственныя несправедливости и жестокости. Этого воображаемаго церковнаго Бога никто никогда не видѣлъ. Но ради него люди жертвуютъ той несомнѣнной правдой, которую каждый можетъ сознать въ своей душѣ, и нарушаютъ любовь къ своимъ братьямъ.

То же и съ политическими дѣятелями. Они также вѣрятъ въ то, что существуетъ только въ нихъ воображеніи. Оно замѣняетъ для нихъ действительныя требованія любви. Это воображаемое начало они называютъ государствомъ. Оно для нихъ дороже людей. Государства также никто никогда не видѣлъ, но изъ-за него люди готовы насиловать и убивать другъ друга; готовы на войнѣ губить миллионы жизней; готовы на самые дикія, безчеловѣчныя мѣры угнетенія себя подвластныхъ людей.

И церковники, и политики на мѣсто того, что дѣятельно существуетъ, ставятъ политіе, которое существуетъ только въ ихъ мысляхъ. Церковники вымыслили себѣ личнаго Бога въ родѣ какого-то громаднаго человѣка, живущаго гдѣ-то за облаками. Политики сочинили себѣ политіе о государствахъ. И ради этихъ вымышленныхъ политіе и тѣ и другіе жертвуютъ дѣйствительными жизнями людьми.

Словесное предписаніемъ. При правильной жизни человѣкъ управляетъ собою при помощи своего собственнаго внутренняго сознанія. Его чувства, разумъ и совѣсть

указывают ему то, что он должен делать. Церковь, вместо того, требует, чтобы человек слушался ее. Она дает людям предписания и утверждает, что такъ приказываетъ Богъ. Эти предписания изложены въ различныхъ церковныхъ руководствахъ и уставахъ, главнымъ образомъ — въ катехизисѣ. Ему должны подчиняться все вѣрующіе въ церковь.

Долги, занимающіеся политикой, также не допускаютъ тому, чтобы человекъ свободно руководствовался своимъ собственнымъ разумѣніемъ. У каждой политической партіи имеется свой собственный «катехизисъ», который называется «партійной программой». И этой программѣ должны слѣдовать все члены партіи подъ страхомъ исключенія изъ партіи. Это называется у нихъ «необходимой партійной дисциплиной».

Какъ церковники, такъ и политическіе дѣятели лишены своего близкаго и дорогого въ жизни. Они лишены возможности во всякую минуту поступать согласно указаннымъ способъ собственной совѣсти. И часто имъ приходится дѣлать и говорить то, что несогласно съ ихъ внутреннимъ убѣжденіемъ. Къ этому они вынуждены потому, что свою духовную свободу они подчинили чуждымъ предписаніямъ.

Нетерпимость. Люди, которые превращаются предъ чуждыми руководителями или авторитетами и подчиняются ихъ предписаніямъ, бываютъ особенно нетерпимы къ тѣмъ, кто не признаетъ этихъ авторитетовъ и руководителей. Весьма известно, насколько церковь нетерпима. Она отлучаетъ и грозитъ адомъ своимъ противниковъ и приговариваетъ къ вѣчнымъ мукамъ тѣхъ, кто не вѣруетъ въ ее ученіе.

Политическіе дѣятели въ этомъ отношеніи не отстаютъ отъ церковниковъ. Достаточно взглянуть на современные политическія партіи въ Россіи. Ихъ нескончаемыя пререки, ссоры, взаимныя обличенія, ихъ непримиримая ненависть другъ къ другу и отчаянная борьба — все ихъ дѣятельность, все ихъ настроеніе служатъ нагляднымъ изображеніемъ того, въ чемъ заключается нетерпимость.

А когда бываешь нетерпимъ къ другимъ, то это неминуемо признаешь того, что самъ заблуждаешься.

Принужденіе. Еще хуже, чѣмъ нетерпимость, — другое свойство, которое одинаково присуще, какъ церкви, такъ и политикѣ. А именно то, что оба они совершаютъ насилие надъ людьми. Кто убѣжденъ въ своей правотѣ, тотъ добываетъ силой истину. Онъ вѣритъ, что правда возьметъ свое и притянетъ къ себѣ людей. Онъ старается убѣждать другихъ въ справедливости того, во что онъ вѣритъ, но не пытается силою заставить ихъ соглашаться съ нимъ. Но такъ поступала православная церковь. Она не брезговала никакими насиліями противъ тѣхъ, кто съ нею не соглашался. И для этого она пользовалась поддержкой государственной власти. Весьма памятно, какъ несправедливы были наши государственные законы и распоряженія, которые защищали и поддерживали церковь, и какъ жестоко правительство преслѣдовало и гнало тѣхъ, кто не могъ по совѣсти соглашаться съ православнымъ ученіемъ.

То же самое дѣлаютъ теперь и люди, занимающіеся политикой. Они также не довольствуются желаніемъ убѣждать своихъ противниковъ; и также обращаются, когда имѣютъ возможность, къ насилію и принужденію. Они всеми средствами стараются захватить и удержать въ своихъ рукахъ государственную власть, посредствомъ которой наставляютъ людей повиноваться. Ради этого самымъ различнымъ политическимъ партіямъ и берется такъ ожесточенно между собою.

Желаніе насильственно подчинить себѣ несогласныхъ людей есть одно изъ самыхъ низкихъ и отратительныхъ свойствъ человеческой природы. И церковники, и поли-

тики одинаково стараются силою или угрозами заставить людей подчиниться имъ. И это служитъ вѣрѣннымъ доказательствомъ того, что ни церковники, ни политики не обладаютъ истиной, — что имъ въ дѣятельности не на что опереться.

Будущее вмѣсто настоящаго. Все хорошее бываетъ хорошо сейчасъ, немедленно. Добрый поступокъ доставляетъ тому, кто его совершаетъ, удовольствіе и благо въ то самое время, когда онъ его совершаетъ. Но церковь уговариваетъ людей мириться съ своимъ теперешнимъ плохимъ положеніемъ здѣсь на землѣ. Она не помогаетъ имъ освободиться отъ своихъ порабощателей и вообще улучшать общественныя условія. Она, напротивъ, учитъ людей покорно подчиняться, страдать и исполнять все то смирное, что приказывается начальствомъ. Взамѣнъ этого, она обѣщаетъ людямъ блаженство на небѣ, въ загробной жизни.

По расчетамъ и соображеніямъ людей, занимающихся политикой, часто также приходится мириться со зломъ въ настоящемъ, ради ожидаемаго въ будущемъ блага. Съ политической точки зрѣнія бываютъ, напримеръ, обстоительства, когда ради предполагаемой въ будущемъ государственной пользы необходимо народу вступать въ войну и годами продолжать воевать въ ожиданіи побѣдитаго конца. Изъ-за этого погибаютъ миллионы людей, разоряются цѣлыя страны, праведно раздражаются народы. Также, въ некоторыхъ случаяхъ, считается желательнымъ прибѣгать къ гражданской войнѣ, къ вооруженнымъ возстаніямъ, террористическимъ актамъ, казнямъ. Политическіе дѣятели считаютъ все это допустимымъ въ настоящемъ, если, по ихъ расчетамъ, отъ этого можно ожидать какую-нибудь пользу въ будущемъ.

И церковь, и политика согласны на погубленіе человеческихъ жизней и на какия угодно страданія людей сейчасъ, въ настоящемъ. Они рассчитываютъ на какое-то вознагражденіе или прекращеніе устройства жизни въ будущемъ. Въ будущемъ же никогда не сбывается то, на что мы рассчитываемъ. А главное, истинная жизнь бываетъ только въ каждое настоящее мгновеніе.

Обходъ истины. Когда великіе учителя человечества раскрываютъ людямъ новую истину, то народъ привлекается ихъ ученіемъ. Онъ готовъ идти по раскрытому ему лучшему пути. Но всегда бываютъ люди, которымъ это невыгодно или которые несогласны съ новымъ ученіемъ. Они не могутъ открыто въ этомъ сознаться, потому что народъ ихъ за это осудитъ. Поэтому они прибѣгаютъ къ хитрости. Они говорятъ, что новое ученіе дѣйствительно справедливо и прекрасно. Этими они привлекаютъ къ себѣ сочувствіе и добрые народы. А потомъ они начинаютъ такъ перетолковывать новое ученіе, что оно получается совсѣмъ другой смыслъ. Иногда даже истина, такимъ образомъ, имѣетъ антагонизмъ, и на ее мѣсто позавѣстно становится совершенно обратное.

Такъ поступали всегда жрецы и духовенство во всемъ великими религіями человечества. Такъ поступили поны съ ученіемъ Христа. Чтобы удовлетворить народъ, который чувствовалъ, что Христосъ былъ правъ, церковь назвала Христа Богомъ и стала ему торжественно поклоняться въ своихъ храмахъ. Но ученіе его она совершенно извратила и, вмѣсто истиннаго христіанства, стала распространять среди людей свою ложную церковную вѣру. И Царство Божіе, которое, какъ говорилъ Христосъ, онъ прінесъ на землю, церковь перенесла куда-то на небо. А на землѣ она стала оправдывать и благославлять царство дьявола.

То же самое дѣлаютъ и политическіе дѣятели. Они не рѣшаются прямо говорить, что имъ добра и правды. Они даже восхваляютъ такихъ людей, которые, какъ

напр. Толстой, настаивают на исполненіи учения Христа. Самого Толстого они называют «всемирным гением», «совѣстью человечества». Но при этомъ они дѣлаютъ оговорку о томъ, что, какъ ни прекрасно учение Толстого, но, пока еще, исполнять его на дѣлѣ нельзя. Оно преждевременно. Эти политическіе дѣятели говорятъ, что они готовятъ почву для этого учения. Они разжигаютъ въ людяхъ разединеніе и вражду и поддерживаютъ насиліе и борьбу, и укрѣпляютъ, что дѣлаютъ это единственно для того, чтобы когда-то въ будущемъ люди идругъ возлюбили другъ друга и зажили братской, мирной жизнью.

Эти отговорки политиковъ такъ недѣльны, что не стоитъ на это возражать. Тѣмъ не менѣе, многіе попадаютъ на эту удочку.

Воспитаніе. Воспитаніе есть одно изъ самыхъ могучихъ средствъ распространенія среди людей какъ хорошаго, такъ и плохого. Этимъ путемъ широко распространяются понятія церковныя и политическія. При этомъ, примѣръ старшихъ, конечно, больше всего вліяетъ на подрастающія поколѣнія. Дѣти невольно присутствуютъ при разговорахъ между взрослыми, наблюдаютъ ихъ дѣйствія, заражаются ихъ волненіями, надеждами и разочарованіями. Все это развиваетъ въ молодежи вѣру въ тѣ церковныя или политическіе взгляды, которые разделяетъ окружающее ихъ старшее поколѣніе. Кроме того, взрослые нарочно прививаютъ учащейся молодежи свои убѣжденія. Въ учебныхъ заведеніяхъ по всей Россіи, до самаго послѣдняго времени, преподавался такъ называемый «Законъ Божій», посредствомъ котораго представители церкви внушали дѣтямъ всѣ свои обманы, заблужденія и суевѣрія. Преподаваніе же исторіи, географіи, литературы пропитано всѣми тѣми политическими заблужденіями, которыми господствуютъ въ то или другое время. И какъ церковники бывають готовы вербовать къ себѣ въ монастыри послушниковъ съ самаго юнаго возраста, такъ и политическіе дѣятели не останавливаются передъ тѣмъ, чтобы залекать мальчиковъ въ свои арміи и учить убійству даже 12-ти лѣтнихъ дѣтей. Такъ что между церковной и политической неправдами существуетъ еще и то сходство, что люди часто не сами приходятъ къ этимъ заблужденіямъ, но помимо своей воли вливаются въ нихъ воспитаніемъ съ самаго ранняго возраста.

Поощреніе низменныхъ свойствъ души. Желая привлечь къ себѣ людей, церковь не гнушается тѣмъ, чтобы востакать ихъ слабостямъ и низменнымъ стремленіямъ. Добродѣтель бываетъ добродѣтельно только тогда, когда она безкорыстна. Но церковь заманиваетъ людей къ исполненію ея предписаній обіщаніемъ награды въ будущей жизни. А тѣхъ, кто не поспѣваетъ ей, она страждаетъ загробными страданіями. И даже въ здѣшней жизни она предписываетъ молиться и служить молельни за успѣхъ въ мирскихъ дѣлахъ. Она убѣждаетъ людей въ томъ, что ея заступничество передъ Богомъ выгодно изъ ихъ предпріятійхъ.

Политическіе дѣятели также обращаются для своихъ цѣлей преимущественно къ человеческимъ слабостямъ и порокамъ. Когда они хотятъ привлечь народъ на свою сторону, то не говорятъ ему, что нужно жертвовать собой, ради добраго дѣла. Они не внушаютъ народу любви ко всемъ и прошенія правды. Напротивъ, они сулятъ народу въ будущемъ всеніе выгоды и матеріальное благополучіе. Они разжигаютъ въ немъ зависть, корысть, тщлву, азобу, жестокость, мстительность, своеволие, честолюбіе, самодовольство, самоувѣренность. Однимъ словомъ, политическіе дѣятели играютъ на всѣхъ связяхъ слабыхъ струнахъ человеческой природы. И это понятно,

такъ какъ средства, которыми политики достигаютъ своихъ цѣлей, главнымъ образомъ—вражда, насиліе, убійство. А для того, чтобы люди готовы были другъ друга ненавидѣть, насиловать и убивать, необходимо предварительно вызвать въ нихъ самое скверное настроеніе. Для этого нужно постараться обратить ихъ изъ людей въ животныхъ и зѣбрѣй. Такъ и дѣлаютъ многіе изъ теперешнихъ политическихъ агитаторовъ. Въ этомъ отношеніи они идутъ еще дальше, чѣмъ прежніе церковники.

Гипнотическое воздѣйствіе. Однимъ изъ самыхъ грубыхъ способовъ вліянія на людей это, такъ называемый, гипнотизмъ или внушеніе. Состоитъ этотъ способъ въ томъ, что человека одурманиваютъ внѣшними воздѣйствіями. Для этого извѣстнымъ образомъ приотраиваютъ зрѣнію, изображенія, звуки, движенія и другія внѣшнія впечатлѣнія. Одурманенный такимъ путемъ человекъ легко воспринимаетъ всѣ тѣ мысли и чувства, которыя при этомъ ему внушаютъ. Повѣтню, что церковники и политическіе дѣятели, которые всегда стараются привлечь на свою сторону какъ можно больше людей, не упускаютъ изъ вида и этого, столь удобнаго гипнотическаго средства воздѣйствія на толпу.

При церковномъ внушеніи большую роль играютъ торжественныя богослуженія, обряды, пѣснопѣнія, процессіи, роскошныя облаченія, блестящіе образы, огни свѣчей, запахъ фиміама, внушительныя возгласы, однообразныя причитанія, монотонное чтеніе и многое другое въ такомъ же родѣ. Отдаваясь съ умиленіемъ этимъ впечатлѣніямъ, вѣрующіе впадаютъ въ такое податливое настроеніе, при которомъ безъ разбора и соотривленія воспринимають все, что внушаютъ имъ представители церкви.

Въ политической дѣятельности происходитъ то же самое. Для возбужденія сочувствія народныхъ массъ пускаются въ ходъ громадныя уличныя шествія и манифестаціи съ флагами и стігами вмѣсто хоругвей и флаговъ, торжественныя пѣснопѣнія, гнѣвные выкрики съ рѣзкими тѣлодвиженіями митинговыхъ ораторовъ, безпечное повтореніе, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, однихъ и тѣхъ же ходячихъ агитационныхъ словечекъ и громкихъ воззвущеній.

Разница только въ томъ, что церковное внушеніе вызываетъ самоупниженіе передъ предметами поклоненія. При политическомъ же внушеніи, наоборотъ, поощряется самовозвеличеніе. Но обѣ эти крайности достигаютъ одной и той же цѣли. Человекъ доводится до полной степени самозабвенія и увлеченія. При этомъ голосъ трезваго разума въ немъ замолкаетъ, и одурманенное сознаніе становится особенно податливымъ ко всякимъ мыслямъ и побужденіямъ, которыя со стороны внушаются.

Даже въ подробностяхъ есть сходство между церковными и политическими способами внушенія. Напримѣръ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ поощряется поклоненіе мощамъ. Церковники торжественно переносятъ съ мѣста на мѣсто «святыя мощи» своихъ угодниковъ и бережно сохраняютъ ихъ въ драгоценныхъ «ракахъ». Политическіе дѣятели столь же торжественно переносятъ съ мѣста на мѣсто тѣла своихъ погибшихъ въ борьбѣ товарищей, погребаютъ ихъ и воздвигаютъ надъ ихъ могилами памятники на самыхъ людныхъ площадяхъ. Различіе разлѣкъ только въ томъ, что церковники укрѣпляютъ, что мощи ихъ святыхъ негнѣтны; политическіе же дѣятели внозитъ сознательно оканчиваютъ почетъ гниющимъ трупамъ. Но на зрителей всѣ эти обряды и церемоніи въ память умершихъ угодниковъ или героев производятъ одно и то же одурманяющее вліяніе.

Если ближе рассмотреть въ тѣ свойства человеческой души, на которыхъ держатся церковное и политическое

суеты, те можно вкратце найти еще много сходства между ними. Но ж указанного, думаю, достаточно для того, чтобы признать, что, когда человек освобождается от церковного обмана, то ему не следует еще торжествовать праздновать победу. Лучше внимательно разобраться в своей душе и проверить, не втянулся ли, незаметно для самого себя, в какое-нибудь новое суетьере — политическое, научное или другое.

Человек достигает истинной внутренней свободы не тогда, когда сбрасывает с себя какое-нибудь оковы, особенно грубое суетьере. Расположившись к суетьерам, человек переносит в своей душе и проверяет, не втянулся ли, незаметно для самого себя, в какое-нибудь новое суетьере — политическое, научное или другое.

Истинная свобода от всяких суетьер достигается только тогда, когда человек старается жить Духом и жить в Духе. Тот, кто познал жизнь Духа, старается руководствоваться одним только голосом Божиим в своей душе. И насколько это ему удастся, настолько он становится свободным от всяких других влияний и воздействий.

Само собою разумеется, что такой внутренне освобожденный человек избавится и от церковного гипноза. Но он не попадет в аз огни да в пылаи, не захватится какими-нибудь новым суетьером, политическим или иным. Духовное понимание с корнем вырвет из его сознания те суетьеры, которые раньше дбдали его подталкивать к суетьерам.

И такой человек, конечно, не станет думать над теми, кто еще не избавился от суетьер. Он не станет даже ненавидеть и тех, кто распространяет суетьеры, напр., служителей церкви или политических деятелей. Он покажет и обманутых, и обманывающих, как влуждающихся братьев своих, и постарается примирить своей собственной, более разумной и правдой жизни, помочь им выйти на путь действительной свободы.

В. Чертонов.

По поводу гонений на церковь.

Опыт предшествующих трехвековых гонений на церковь, покрывавших ее поповскими поучениями, вкратце показывал Юлиану¹⁾, что крупная насильственная война, угнетавшая его языческими предшественниками против иудеев, не могут принести никакой пользы иудейству, и что они только способствуют еще большему усилению христианства. Для него казалось очевидным, что кровь мучеников, жертвующих своею жизнью за святость и чистоту своих религиозных убеждений, только служит символом новых христиан, по выражению св. Златоуста. Теперь эти насильственные средства представлялись в гонимых Юлиана еще более бессильными и неостепенными, так как иудеи должны были становиться более мужественными при воспоминании о тех жестоких гонениях, которые они отравили с непоколебимой твердостью. Выходя из таких позарий, разлагаемых изветь сь Юлианом, многими из лучших представителей современного ему языческого общества, он старался по возможности лишить иудеев всякой возможности и не доставлять таким образом в их руки оружие против себя оружие²⁾.

Таким образом история про знаменитого императора римского Юлиана, вкратце своей жизнью поставившего борьбу сь христианством и восстановление древней греческой религии и философии.

Что ни одна религия никогда не только не исчезала, и даже не ослабевала от преследований, а наоборот, всегда усиливалась и крпшла под действием гонимых, это—

¹⁾ Юлиан, римский император, царствовал сь 361 по 363 г.

²⁾ И. Алфионов, Император Юлиан и его отношение кь христианству. Кавказ, 1877, стр. 237-238.

факты, подтверждаемый всей историей человечества. Уже св. Илья пророк, живший в течение 300 лет до появления христианства, привел жизнь кь тому, что христианство (хотя и в неканоническом виде) исторически вышло из язычества. То же самое явление мы видим и в истории всех языческих сект и старообрядчества. Платонизм господствовал в русском православии, старообрядчестве не только во времена, но последователи его считались в многолюднейшем, богатом и сильном своем вавилонском обитав, сохранившему свою веру непоколебимой в течение 350 лет. То, что первые проповедники старообрядчества были язычески самими истинными способными сожжены живыми, не только не остановило распространения старообрядчества, но, напротив, его распространение стало излюбленной формой самоубийства, принятой старообрядцами тогда, когда им грозила опасность попасть в руки „язычников“³⁾, „инициальных“, как они называли православных.

Жизнь Аввакума⁴⁾, жизни биографы основателя старообрядчества, протопопа Аввакума, — довершила дело, начавшее его сыном, дописавшая его значение в глазах современников и ближайшего потомства. Для раскольников он являлся теперь не только мужественным проповедником, но и мучеником из дьяв, и отныне подвиг мученичества в сознании многих подтверждал и освящал самоубийство, ради которого он был предпринят. Особенно среди иудеев массе страдальческой смерти проповедника приобрела значение непоколебимого, превосходящего все творческие доказательства, довода в пользу его учения⁵⁾.

Современники же самого исторического в истории всех гонимых и сект сект, как в России, так и во всех странах. Всегда и везде преследования за веру приносили жизнь кь усиленню этой веры. Если находились слабые, малодушные, маловерные люди, которые под влиянием гонений отпадали от своей веры, то люди более сильные, искренно и глубоко верующие, наоборот, возмужали в этих гонениях и подвиг мученичества, всегда представлялись заманчивым для всякого искренно верующего человека.

Идея быстро крпвет, если их питает кровь мучеников⁶⁾, сказал Иосиф Малинин⁷⁾ почти в тех же выражениях, что и Иоанн Златоуст.

Если всякое население бесплодно и не достигает тех дбдел, которые посредством него пытаются достигнуть, то всего бесплоднее и бессмысленнее население в дбделах веры. Области веры есть области всего самого драгоценного, самого дорогого для верующего человека; и потому всякое вторжение в эту область исторически людей предостерегает верующему дерзким и оскорбительным и заставляет его только крпчь держаться за то сокровище, какое составляет для него веру. Если же это внимательство сопровождается еще, вдобавок, насильем, то польза от него будет всегда такова: укрепление гонимой веры, какого только могут позавать самые горячие ее сторонники.

Таким образом это происходит на наших глазах сь православием. Вся расприжонная Совета народных комиссаров с истинным преклонением проповедания так называемого „Закона Божьего“ в школах, объ упрощении домашних занятий в учебных заведениях, всевозможные унижения священников в Советских изданиях, аресты и казни

³⁾ Никон патриарх всероссийский 1605—1681 гг.

Содвствовала пересмотру и исправлению богослужбных книг по древне-греческим и славянским рукописям. По приговору собора 1654 года, не признавшему частью русского духовенства, вновь пересмотренных и переведенных книг вводилось насильно под угрозой наказания священников, что и породило раскол среди духовенства и народа, выветивший в настоящее время под названием старообрядчества или старой веры. (Ред.)

⁴⁾ Аввакум Петрович протопоп, род. вь 1610 г., по доводу право-славного патриарха Иоанна, вь царствование Алексея Михайловича Романова, приговорен кь смертной казни посредством сожжения на костр, проведя в тюрьме 1-го апреля 1681 г. около Пушкова.

⁵⁾ В. А. Малинин, Протопоп Аввакум. Изд. Ф. Павленкова. П. 1894, стр. 157.

⁶⁾ Иосиф Малинин миссионер и знаменитый Пятилетний революционер 1835 г.—1872 г.) бороздивший за освобождение от австрийского ига и против власти Габсбургского дома.

Его сочинение на общерусском и религиозно-православном языке, (напр. статья „Объ обязанности человека“), вкратце цитируется П. Н. Толстым, изданным много общими сь Малининым вь направлении своей мысли.

⁷⁾ П. Толстой было переведено писателем Малинин „О бессмертии“ (см. издание Писаркина).

ореди духовенства,—все это приводит лишь к тому, что православие и его служители приобретают ореол мученичества, вѣра въ народъ усиливается, и влияние духовенства увеличивается.

Нельзя сказать, чтобы это отстранение православия отъ политическаго участія произошло исключительно отъ невежества и изувѣрства народа. Не надо забывать, что православие, есть единственная форма религіи, известная большинству русскаго народа; и отстаивая православие, народъ отстаиваетъ ту единственную религію, которую онъ знаетъ. А безъ религіи, по твердому убѣжденію народа, человѣку жить нельзя.

И убѣжденіе это совершенно вѣрное. Человѣкъ не можетъ жить безъ религіи, если понимать религію въ ея истинномъ смыслѣ, т. е. не какъ исполненіе внѣшнихъ обрядовъ, ожиданіе чудесъ и т. п.,—а какъ ученіе, дающее отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ жизни. Вопросъ о томъ, въ чемъ смыслъ нашей жизни и какъ долженъ человѣкъ жить, чтобы исполнить свое назначеніе, этотъ вопросъ рѣшается только религіей. Наука не можетъ дать отвѣта на этотъ вопросъ, потому что она и не ставитъ его.

И если чѣмъ-либо такъ называемая интеллигенція хочетъ быть полезной тому народу, который кормилъ ее въ то время, какъ она приобрѣтала званія, то не тѣмъ, чтобы легкомысленно и дерзко оскорблять чувства вѣрующаго и мѣшать имъ дѣлать то, что вытекаетъ изъ ихъ вѣры,—а только тѣмъ, чтобы раскрывать передъ народомъ высшее религиозное ученіе, свободное отъ всего церковнаго суевѣрія и дающее отвѣтъ на главнѣйшіе вопросы жизни.

Думая объ отношеніи теократическаго правительства къ церкви, мнѣ приходится на память два великія истинныя, выраженные двумя величайшими мыслителями—Паскалемъ и Толстымъ:

„Насиліе и кетива,—сказалъ Паскаль,—это два могущественныя силы, не дѣйствующія другъ на друга: истина не можетъ пользоваться насиліемъ, и насиліе никогда не пользовалось для своихъ цѣлей истиной“.

Л. Н. Толстой въ 1877 году писалъ Фету: „Вы первый разъ говорите мнѣ о божествѣ—Богѣ, а я давно уже не перестаю думать объ этой главной задачѣ. И не говорите, что намъ нельзя думать: не только можно, но должно. Во все время лучшіе т. е. настоящіе, люди думали объ этомъ. И если мы не можемъ такъ же, какъ они, думать объ этомъ, то мы обязаны пасть—какъ“.

Эти мудрыя слова необходимо помнить каждому изъ насъ и теперь.

Н. Гусевъ.

Страшное, нечеловѣческое дѣло.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ Левъ Николаевичъ написалъ свою знаменитую статью „Не могу молчать“, въ которой выразилъ ужасъ и негодованіе по поводу тѣхъ казней революціонеровъ и грабителей, которыя совершались тогда царскимъ правительствомъ. Прошло съ тѣхъ поръ десять лѣтъ, и что же мы видимъ? Царскаго правительства уже нѣтъ, а новое „рабоче-крестьянское правительство“ казнятъ не только сотни и тысячи своихъ враговъ, но и сотни и тысячи совершенно ни въ чемъ виновныхъ, случайныхъ людей, въ отношеніи за убійства и даже покушенія на убійство членовъ этого правительства. Правительственными газетами пишутъ о „бѣломъ и красномъ террорѣ“, называя бѣлымъ терроромъ убійство членовъ правительственной партіи, а краснымъ терроромъ—убійство ихъ противниковъ, и проповѣдая, что „бѣлый“ терроръ есть злодѣяніе и преступленіе, а „красный“ терроръ—доблестный, славный поступокъ, необходимый для блага рабочаго народа.

Какое ужасное заблужденіе! Какое непониманіе человѣческой души, познаніе сущности человѣческой жизни!

Всегда, съ самаго того времени, какъ мы знаемъ человечество, великіе религиозные проповѣдники и все истинные мудрецы учили людей, что во всѣхъ людяхъ живетъ одно и то же божественное начало, и потому жизнь всякаго человѣка священна. Какимъ бы ни назвали человѣка или-инымъ, презрѣннымъ,— въ немъ та же божественная душа, что и въ каждомъ изъ насъ, тѣ же стремленія къ истинѣ и добру, которыя, вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ причинъ, не могли развиться и проявиться видимымъ для насъ образомъ.

Величайшая и спасительнѣйшая истина заключается въ томъ, что все люди, кто бы они ни были, парн или нянцо, буржуа или пролетаріи, совершенно одинаковы по своимъ основнымъ душевнымъ свойствамъ, въ—то же самое, что и я. „Я, это—ты“, гласитъ древнее индусское изреченіе.

„Если человѣкъ не видитъ въ каждомъ ближнемъ тотъ же духъ, который соединяетъ его со всеми людьми міра, онъ

живетъ какъ во снѣ. Только тотъ проснулся и живетъ по настоящему, кто во всякомъ ближнемъ видитъ и себя, и Бога“, сказалъ Толстой.

„Все живое боится мученія, все живое боится смерти; познавъ самого себя не только въ человѣкѣ, но и во всякомъ живомъ существѣ, не убивай и не причиняй страданій и смерти.“

„Все живое хочетъ того же, чего и ты; пойми же самого себя во всякомъ живомъ существѣ“.

Такъ гласитъ древнее буддѣйское изреченіе. Отъ злобы и ненависти жизнь наша превратилась въ адъ. Отъ насъ зависитъ уничтожить этотъ адъ.

Для этого прежде всего нужно прекратить то страшное, нечеловѣческое дѣло, которое совершается теперь въ таккихъ ужасающихъ размѣрахъ по всей Россіи: прекратить казни. Человѣку не свойственно убивать себя подобныхъ. Такъ же какъ не свойственно человѣку убивать своихъ братьевъ, людей чужихъ народовъ, на войнѣ, такъ же не свойственно и казнить, разстрѣливать безоружныхъ людей, кто бы они ни были.

„Доказывать то, что жизнь каждаго человѣка священна, что не можетъ быть права одного человѣка лишать жизни другого—все равно, что доказывать человѣку, что ему не надо дѣлать то, что противно, несвойственно его природѣ: не надо вимокъ ходить голымъ, не надо питаться содержимымъ помойной ямы, не надо ходить на четверенькахъ“.

Будемъ же всячески содѣйствовать тому, чтобы все люди скорѣе поняли, что жизнь—только въ любви, что злоба и ненависть, это тѣ чувства, которыя мы должны истреблять изъ своего сердца, что все понять—значитъ все простить, и что если мы хотимъ бороться съ насиліемъ и гнетомъ, то должны начать съ того, чтобы самимъ ни подъ какими предлогами и ни въ какой формѣ не содѣйствовать насилію и гнету. А содѣйствовать тому, чтобы все люди поняли это можетъ только тотъ, кто самъ проникся этимъ сознаніемъ. На это и долженъ каждый изъ насъ направить все свои силы

Н. Гусевъ.

Изъ царства Ивана-дурака.

Пришелъ къ нему (къ Ивану-дураку) министръ и говоритъ: „У насъ, говорить, денегъ нѣтъ жалованья платить“.

— Ну, что же! говорить, нѣтъ, такъ и не плати.

Да они, говорить, служить не станутъ.

— Ну, что жь! говорить, пускай, говорить, не служатъ, имъ свободнѣе работать будетъ, пускай навозъ вывозятъ, они много его на навозили.

Пришли къ Ивану и говорить: на насъ таракаскій царь войной идетъ.

— Ну что жь! говорить, пускай идетъ.

(Сказка объ Иванѣ-дуракѣ, Л. Н. Толстого).

I.

Во Владимирской губерніи, въ маленькой захолустной деревушкѣ, поднасокъ за что-то разсердился на пастуха и рѣшилъ возстановить противъ него деревню. Помалку отъ въ дѣсь, привязалъ себя къ дереву и, дождавшись, когда люди проходили поблизости отъ него, началъ кричать. Подошли къ нему съ разпросами. Онъ началъ жаловаться на пастуха, что тотъ его всячески обижалъ, и теперь вотъ уже третій день, какъ пастухъ привязалъ его къ дереву, и если бы не добрые люди, то и сейчасъ бы пропалъ онъ адѣсь, въ дѣсу. Далъ знать на деревню. Хотѣли было призвать мианцо и прочіе власти, но мушкетъ воспротивлялся.

— Некогда намъ съ ними возжаться. Время сейчасъ рабочее, каждый день дорога, а они понайдутъ сюда, писать еще будутъ, мы и сами разберемъ.

Понимъ къ поднаску. Бабы охаютъ, жалуютъ его, а мужики училили допросъ и замѣтили, что адѣсь дѣло нечистое—что-то путаетъ мальчишка. Рѣшили провѣрить свои предположенія—не вретъ ли малый.

— Такъ ты говоришь, три дня адѣсь висѣшь? А ну-ка, покажи намъ свои порки. За три дня они частыя не останутся.

Осмотрѣвъ, Штаны оказались чистыми и сухими. Пробрали его, какъ обѣдуютъ, потрепали за уши и съ миромъ отпустили.

II

Вернулся недавно съ войны въ Гизаповую губернію медкій помѣщикъ въ свое бывшее имѣніе, гдѣ ему крестьяне отвозятъ усадьбу. Последніе годы онъ не жилъ дома, а теперь рѣшилъ осуществить свою давнишнюю мечту—самому заняться земледѣльческимъ трудомъ, кормиться «отъ трудовъ рукъ своихъ». Какъ прѣхалъ, такъ сразу и затрегол изъ работу. Съ солнышкомъ вставалъ, съ солнышкомъ домой возвращался. Одно только неудобство—хозяйство еще не налажено: не подготовлено припасовъ, кормиться нечѣмъ. Упали о такомъ его положеніи сосѣдніе крестьяне и начали помогать ему, поддерживать его въ такое трудное время. Кто горшокъ молока несетъ ему, кто яйца, кто краюху хлѣба.—«Ты ужь не валящи, что хлѣба мало—у самого доходить».

— Повѣрите ли,—говоритъ его жена,—какъ посмотрѣвъ на ихъ доброе, степенное отношеніе къ намъ, такъ иной разъ слезы къ горлу подходятъ.

Эти же крестьяне, что громать дома, рѣжутъ домашней, жгутъ хлѣбъ,—приходить вдругъ съ помощью; дѣлятся последнимъ, забывая и свою обиду, что вѣками накопилась изъ-за несправедливаго земельного устройства, забывая и послѣдніе призывы къ тому, чтобы давить кулакомъ и помѣщиковъ, и призывы къ классовой борьбѣ, которая чужда ихъ здравому разсудку, по моральному имъ начто неподлинны знаніями и не направленному своимъ шлюшнымъ ничтогодѣланіемъ и сидѣніемъ на чужой шеѣ.

Несмотря на то, что спокойнѣе вѣковъ вѣчески затемняется сознанію народа всѣми способами—и водной, и вправденымъ церковнымъ ученіемъ, и государственностью, и солдатчиной, несмотря на то, что теперь такъ старательно разжигается въ немъ ненависть къ другимъ людямъ призывами къ классовой борьбѣ, несмотря на то, что передъ народомъ всталъ сейчасъ еще одинъ губительный соблазнъ—участіе во власти, въ народныхъ глубинахъ все же сохранилось незлобное, простое и мудрое отношеніе къ жизни, все такъ же всякая власть для него—это «слыши пуховица», которая нужно терпѣть и которая несовмѣстима съ дѣломъ Божиимъ, и все то же стремленіе разрѣшить свои нужды и устраивать жизнь поочередно, помириво. И войны, и разные выборы, и паспорта, и бывшіе и настоящіе урядники, и погромы вслѣдствіе—все это только валеть, признавъ наипервѣе на сознаніи подлиннаго народа, не потерявшаго связи съ природою, съ землею, съ трудомъ. Въ глубинахъ народа таится живая сила, и силы эти не могутъ быть уничтожены никакими познаны дѣвола. Хоть дѣволъ этотъ для того, чтобы смутить народъ и принимается различныя личныя—то попомъ обернется, то ученымъ, то паремъ, то депутатомъ, то комиссаромъ—но славное царство Напалдурана стоять и по сіе время и даже все увеличивается и увеличивается.

В. Медвѣдковъ.

Изъ жизни *).

I

Въ очереди

Около молочной большаго очередь. Тѣ, кто поближе къ двери, стоятъ густою. Задніе сидятъ на тротуарѣ. Больше женщинъ.

* См. №№ 6, 7, 8, и 9 серия еще въ подъ тѣмъ же заглавіемъ. (Ред.)

Одна, уже помолодая, въ черномъ платочкѣ, подперши щеку рукою, говоритъ себеѣдѣ.

— Такъ, говоришь, снова объявленіе, опять мобилизація, Господи, Господи! Когда же этому конецъ?.. И что же это дѣлать? Видѣ, на той-то, на другой сторонѣ, какіе съ чехословаками-то этими, говорятъ, тоже призываютъ. Эти на нихъ, а тѣ на этихъ; другъ на дружку. Визн, бизн народъ-то,—такъ вѣтъ тебѣ, Все, видно, еще мало. То съ японцами, то съ ибнцами, да съ австрійцами, да съ турками. А теперь на-ка вотъ: противъ своихъ же гонить... Тамъ бѣготъ, а отсюда подсылаютъ. Что же это будетъ?

— И не говори!.. А у меня какъ разъ сину призываться по этому приказу. Говорить, что не пойду. Да какъ же, молъ, ты, сыночекъ, не пойдешь-то?.. Видѣ, они тебя заставятъ: ты слышишь, что теперь дѣлаютъ-то. Арестуютъ, а то еще и расстрѣляютъ. Ну, и пуцай, говорятъ, стрѣляютъ, что хочешь дѣлаютъ, а только и никакимъ разомъ не пойду. Развѣ для того, говорятъ, революцію-то дѣлали, чтобы со своими воевать. Противъ кого, говорятъ, а воевать-то буду, противъ такихъ же, какъ и я. Тамъ, говорятъ, тоже изи силой гонятъ, или идутъ, какъ и мы, «свободу» вашищать. А какая же это «свобода», коли и мы, и они за нее съ ружьями деремоя? И, говорятъ, свободу признаю не такъ...

— Вотъ, вотъ, милая, и у меня мой старикъ-то такъ же. Не хочу, говорятъ, а вашего устройства, не нужна она мнѣ и лучшая жизнь-то ваша. Когда она еще будетъ, да какая, и не знаю; а теперь, говорятъ, только убійства да расстрѣлы. А отъ нихъ хорошаго не жди.

— И не жди, и не жди!.. И правда это... Вотъ надихъ и видала, прѣхали съ Украины. Барышни, рассказываютъ, какія страсти. Визн, говорятъ, большевики—казнили. Пришли какіе-то райдамаки, стали большевниковъ казнить. А потомъ ибнцы—эти еще хлѣще. И теперь такая завируха тамъ пошла, что не дай Господи. Какъ, говорятъ, уйдутъ ибнцы, такъ опять не миновать панковъ рѣзать будутъ.

— Ну, да и у васъ не лучше. Должно, ужь конецъ свѣту. Вотъ мой старикъ-то все Евангеліе читаетъ, такъ, говорятъ, въ точности указано все въ помы: И поставитъ, писано, народъ на народъ и брать на брата. Какъ разъ, говорятъ, это и у насъ. Сначала воевалъ народъ противъ народа, это, значитъ, съ ибнцами, а потомъ уже пошли и брать на брата. Ну, прямо, конецъ свѣту. Видѣ ты подумай, что удѣлили: внутри всѣхъ перессорили, со своими же дерутся.

— Со своими!.. Со своими!.. Вотъ, намени, картошку привозили, разокапывали, что тамъ, по деревнямъ, идетъ—настоящая война. Эта красная-то армія хлѣбъ, шнѣ, отбираетъ, а крестьяне не даютъ. Понавожали изъ солдатъ съ фронта ружей, пулеметовъ. Такое, говорятъ, сраженіе вакатили. Бабы и ребята уже спорѣ въ зѣбъ. Ребяшники-то режутъ. Холодно, да дождь, дрозжать. А домой нейдутъ: боится. Стали дѣти просить, чтобы ужь отдали имъ все. Чего, говорятъ, имъ надо-то? Отдайте ужь имъ, окаяннымъ,—вѣчимъ же драгѣе-то? Пускай, говорятъ, возьмутъ,—по крайней мѣрѣ хоти бабы наши ибнцы будутъ. Такіе главные. Известно, дѣтей разумъ.

— А кто ихъ знаетъ. Иной разъ дѣти-то еще умолю насъ. Можеть, и правду, чѣмъ тыи страсти, то лучше и отдать...

— Какъ же отдавать-то? Видѣ свое добро-то жалко... Отдать отдашь, а самъ-то съ чѣмъ оставишься? Господи! И откуда ужь они ждѣтъ-то набирать, что ослушавшійся все отобрать да отнимать?

— Откуда? Ты сама же омына посылываешь,—забываешь себеѣдѣ.

— О-о-о! Да и то, вѣдь, правда. Ну ужь и не знаю, какъ и думать. Я, было, и радуюсь, что онъ пойдетъ, да и боюсь, какъ бы ему хуже не было. Вѣдь тамъ-то убьютъ ли, пить ли, а здѣсь, боюсь, прикончатъ.

— Ну, зато къ нему ничьей крови не приливаетъ.

— Да и онъ мнѣ такъ же говорить. А мнѣ-то это и радостно, и больно. Вѣдь, ужь если онъ самъ такъ смотритъ, то развѣ я могу ему совѣтовать идти?.. А въ то же время и больно, какъ бы ему хуже не сдѣлали за то, что отказываться будетъ. И просто уже и не знаю, какъ и быть. Истосковалась, извелась и вся. И днемъ, и ночью все одна забота, а ничего придумать не могу. Вотъ она, жизнь-то... Не жизнь, а одно мученіе. И что они только съ нами, матерями, дѣлаютъ?..

Сосѣдка ничего не отвѣчала. Говорившая же еще ниже опустила голову и стала торопливо оправдать платочекъ. А въ потемнѣвшихъ глазахъ безшумно покатались слезы...

Августъ 1918 г.

II.

Крестьянинъ и рабочій.

На длинномъ заборѣ, отдѣляющемъ отъ улицы большой садъ, пестрятъ всевозможныя глазастыя афиши. Среди нихъ выдѣляются напечатаннымъ жирнымъ шрифтомъ бюллетени о «свободахъ» и воззванія.

Передъ бумажкой, на которой красуется крупными буквами: «Крестьянинъ», собралась небольшая кучка.

Посрединѣ, очевидно прѣйжавшій, крестьянинъ въ армякѣ, воржѣвшихъ нескладныхъ сапогахъ и съ котомкой за плечами. Около него нѣсколько человекъ, по обличью мастеровыхъ или фабричныхъ.

Крестьянинъ, прочитавши обращеніе, начинаетъ медленно, по складамъ, читать вслухъ дальше, но вскорѣ останавливается и, какъ бы недоумѣвая, обращается къ окружающимъ:

— Да это что же пишется-то? Я, было, сначала думалъ, что про васъ, про мужиковъ, а здѣсь выходитъ больше про рабочихъ... Это какіе же рабочие-то?

— Да городские,—живо откликается одинъ фабричный.

— Та-а-а-а! Ну и какъ же они хотятъ?

— А вотъ, товарищъ, обращаемся къ вамъ за поддержкой.

— За поддержкой?! Въ чемъ же васъ, милый, поддержать-то? Ужъ, какъ-то, и такъ всѣмъ вы завладели. Чего же вамъ еще? Али все-таки въ чемъ-нибудь нехватка?

— Да, гдѣ, вѣдь-то намъ нечего. А у васъ, у крестьянъ, значить, есть хлѣбъ; ну вотъ мы и просимъ—подѣлитесь.

— Такъ! Подѣлитесь! Теперь я понимаю. Какъ, значить, орудовать, такъ это мы и сами,—мужикъ намъ не къ чему; чего онъ, сивозаный, понимаетъ. А какъ коснулось до нужды, то опять же къ мужику... Та-а-а, та-а-а!.. Вотъ оно къ чему...

— Нѣтъ, товарищъ, это мы напрасно. Мы и при устройствѣ и при организаціи отъ крестьянъ не отдѣляемся. Мы отдали вамъ землю, мы приглашаемъ насъ въ свои селѣны, ибѣется и въ городѣхъ «особая» секція крестьянъ, и въ мѣстахъ въ волости, или въ уѣздѣ вѣбъ совѣты наши.

— Еще бы тебѣ что,—чтобы на мѣстахъ-то не было. Это-то вѣдѣстно. Тамъ вникуда отъ насъ не дѣвлется. А вотъ насчетъ городскъ-то, это бы, братъ, не того... Нашего брата здѣсь всякого. Приглашаютъ-то мы приглашаютъ, и сила вся у насъ... А что насчетъ земли,—то это точно, земля у мужиковъ. Да только развѣ она была ваша, что вы ее «отдали» крестьянамъ?

— Нѣтъ, не наша. Но если бы рабочие не захватили власти, то ей и сейчасъ владѣли бы выны. Рабочіе же установили власть свою и бѣднѣйшаго крестьянства...

— Ахъ, про это... Да это-то точно, вся власть теперь у васъ...

— И у васъ тоже, а не у однихъ у насъ.

— Такъ въ чемъ же все-таки вотъ тутъ-то дѣло? Власть-то властью, а вотъ потребовать опять мужикъ: выводить власти одной мало...

— Да я же говорю, что хлѣба просили.

— А-ахъ, хлѣба! Ну что-жъ, конечно, если ты голоденъ, а у меня, къ примѣру, есть, то отчего же Христа-ради и не дать. Да только ужь очень много васъ тутъ сложится по городамъ безъ хлѣба. Вѣдь-то не прокормишь. А вы бы сами, милый, тоже позаботились о добычѣ пропитанія, чѣмъ надѣяться только лишь на мужиковъ. Право же, такъ бы было поснособѣе.

— Да что ты? А мы развѣ не работаемъ? А на фабрикахъ и на заводахъ-то кто же, какъ не мы? Опять же въ совѣтахъ... Мы для васъ, а вы для насъ. Вотъ мы какъ хотимъ, а не милостыню просимъ, не Христа-ради.

— Ну, это что и говорить. Такъ-то чего бы лучше. Вы—насъ, а мы—васъ. Вотъ это правильно. Но чѣмъ же вотъ вы-то, къ примѣру, занимаетесь? Что вы готовите для мужиковъ?

— Да я работаю на шелко-ткацкой фабрикѣ, а вотъ товарищъ на суконной, онъ на фортепьянной, этотъ изъ трамвайныхъ мастерскихъ, а тотъ товарищъ изъ совѣта.

— Та-а-а, та-а-а! Выходитъ народъ не занятый, а дѣло ни къ чему.

— То-есть это какъ же ни къ чему?

— Да ты не обижайся. Это я такъ прилагаю для себя. Мы, молъ—вамъ, а вы-то—намъ. Ну вотъ, къ примѣру, ты на шелко-ткацкой. Такъ это по твоему для мужиковъ, али для господъ? Или вотъ ты на фортепьянной. Да что же мнѣ, что-ли, нужны ваши фортепьяны? Опять же и трамвай. Трамвай, конечно, для города необходимъ, да только намъ-то мужикамъ имъ пользоваться придется рѣдко. Да вотъ и прѣйхалъ, да и то не сидимъ... И вотъ про что. А кушать-то, небось, захотите, вѣдь, и вы... Ахъ, можетъ, ты не спросишь?..

— Само собою, вѣсть хочу и я. Но только съ вашимъ разсужденіемъ и совершенно несогласенъ. Что же, по-вашему, всѣ эти фабрики закрыть?.. А куда же намъ дѣваться?

— Да ты, милый, не сердись... И чтобы закрыть не говорю. Богъ съ вами, развѣ къ этому приучены, дѣлай. Можетъ, оно кому и надо. Я только лишь про то, что намъ-то, мужикамъ, все это ни къ чему. И стало-быть, хлѣбъ-то я отдаю, а получить ничего не получаю. Да отдай-то еще по той цѣнѣ, какую вы же здѣсь въ городѣ поставили. Ну, я отдаю, ты будешь есть и будешь свои поля работать, али тамъ въ совѣтахъ, въ комитетахъ засѣдать. У тебя вѣшь вотъ и оземля, и обувь есть. А у меня?.. А что же мнѣ?.. Хлѣбъ-то я отдаю, а коли кромѣ хлѣба у меня больше ничего нѣтъ? Что же мнѣ-то тогда дѣлать?

— Да у васъ, товарищъ, весь его не просить. Вамъ за пропитаніе, что полагаются, оставить. Просить лишь изланины.

— Спасибо, одолжить. На пропитаніе оставить. А то бы еще не оставилъ даже на еду. Ну сколько же ты мнѣ готовъ оставить—12, а то и всего 9 пудовъ? А лошадиная, али споры и, али тамъ кривыя сохы, косы? Это-то откуда? Вѣдь съ васъ-то, съ послѣднихъ за съ фортепьянщиковъ и ничего не возуу. Значить, развѣ отдай, ни будешь въ шомлахъ да на фортепьянахъ, а я, мужикъ, забейся на пашку въ уголь да сиди?.. А по какому же

